

Структура мира в творчестве Ф. Искандера

Глазкова Марина Михайловна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Русская филология»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Аннотация. В статье представлена интерпретация концепции структуры мира в понимании Ф. Искандера. Выявлены четко дифференцированные писателем два диаметрально противоположных мира (официальный и народный), разделенные географически и ментально. Исследованы и определены два типа человека, представляющие эти миры и мировоззренчески противопоставленные друг другу.

Ключевые слова и фразы: официально-государственный мир, народный мир, «естественный» человек, мифологизация, государственный человек.

Как и любой писатель, Ф. Искандер в своем творчестве создает особый художественный мир. Этот мир последовательно конструируется им во всех прозаических произведениях, но наиболее полно и ярко выраженная специфика содержится в крупнейшем и самом известном произведении Ф. Искандера романе «Сандро из Чегема». Художественный мир Ф. Искандера довольно четко разделен на две части: официально-государственную и народную, патриархальную. Противопоставление природного и искусственного в произведениях Ф. Искандера отмечается и Н.Л. Лейдерманом, указывающим на «сложное соотношение между историческими химерами и вековечным укладом жизни» [1, с. 52]. С нашей точки зрения, это противопоставление осуществляется писателем очень последовательно и заключается в построении двух противоположных друг другу частей вселенной. Это разделение может быть выражено географически. Народный мир в романе локализован горным абхазским селом Чегем и противопоставляется низменной местности. Такое противопоставление является отсылкой к устойчивой метафорической оппозиции «высокий — низкий». Так, горы в произведениях Ф. Искандера имеют положительную коннотацию, как и все, что с ними связано: «Альпийские луга — это вечная весна посреди лета, которую природа припрятала для себя, чтобы не забывать, с чего она начинала» [2, с. 742]. И далее: «Высокотравье гребня, на который мы вышли, было радостно измазано всевозможными цветами» [Там же]. При этом территория долинная ассоциируется скорее с негативными явлениями: «И небо нюхает этот запах, что дает ему силы, иначе не объяснишь, терпеть вонь наших долинных дел» [Там же]. Иногда это разделение может проходить и по другим географическим объектам. Например, в главе «Рассказ мула старого Хабуга» таким пределом оказывается река: «... не то что в городе, я даже за Кодером не могу так сказать, потому что среди долинных абхазцев уже появились доносчики» [Там же, с. 223].

Центром народного мира во всех произведениях Ф. Искандера является дом. Село Чегем, воплощающее народный мир, буквально начинается с Большого дома, построенного основателем села, Хабугом. Сам писатель в одном из интервью называет свои произведения литературой «дома», «достигнутой гармонии», противопоставляя ее литературе, обозначенной им как «бездомность». Литературу «дома» писатель наделяет «простой человеческой особенно-

стью» [3] — способностью умиротворять, согревать, защищать. На важность дома в творчестве Ф. Искандера указывает и Н. Вигон, увидевшая в его прозе «метафорический смысл образа дома», заключающийся в «расширительном значении места» [4, с. 15], в котором от поколения к поколению передаются духовный опыт и аксиологические ценности.

Дом — почти сакральное место, защищающее человека от хаоса и безумия окружающего мира. Именно близость дома с его атмосферой уюта помогает предотвратить кровавую месть Абрека Щацико, который собирается наказать клеветника Омара, но неожиданно получает приглашение на обед от родственников.

В противном случае само возвращение домой по совету отца является спасением для главного героя Сандро, который жил в городе и опасался стать жертвой репрессий.

Разделение на народный и государственно-официальный миры может происходить и не по географическому принципу. Два мира в произведениях Ф. Искандера на самом деле разделены исключительно по признаку «официальный» или «неофициальный». Жизнь народного мира в рассказах о мальчике Чике воплощена в неторопливой жизни мухусского двора, в котором живет главный герой цикла рассказов. В этом мире, в отличие от мира «великого», царит гармония и справедливость.

Как и большинство представителей народного мира, Чик не может понять и принять глупость и бессмысленность многих явлений «великого» мира: «То, что сам начальник может быть вредителем, Чик и в голову не приходило» [5, с. 428].

К большому миру относится все, что имеет отношение к власти и государству. Это мир, управляемый государственными законами и государственной логикой, мир, подчиненный идеологическим требованиям эпохи и политической целесообразности, к нему принадлежит все, что имеет официальное значение. Так, строящийся дом правительства, разумеется, принадлежит великому, государственному миру. Но в то же время наличие государственного исключает народное. Поэтому само здание государственного учреждения, пусть даже еще не достроенного, исключает соседство всего живого и естественного.

Граница между официальным и неофициальным может проходить и в сознании конкретного человека, наделенного государственной властью. В этом случае достаточно сложно определить границы государственного и частного, эти две стороны тесно перепле-

тены. Так, провинциальное отделение милиции выглядит довольно идиллически: «Это был самый гостеприимный дворик милиции, который я когда-либо видел. Легко было представить, что в таком дворе осенью начальник милиции варит варенье, окруженный смирившимися преступниками» [Там же, стр. 259]. И сотрудники отделения, разговаривая с главным героем повести «Созвездие Козлотура», выглядят почти стереотипными кавказцами.

Но, выполняя служебные обязанности, те же милиционеры превращаются в бюрократов, что обнаруживают нелепости-канцеляризм: «Имеются факты изнасилования, — добавил он, немного подумал, — а вы гуляете без документов» [Там же, с. 261].

Еще более ярким примером такой раздвоенности может выступать Абесаломон Нартович, чиновник, который «по должности и по собственному желанию присматривал за людьми искусства, считая себя знатоком и покровителем муз» [2, с. 644]. Будучи государственным цензором и указывая художникам на идеологические недостатки, он обычно проводит подобные беседы во время ресторанного застолья.

Принадлежность к официальному миру может означать и пассивное согласие с насаждаемым укладом жизни, отказом от народной морали или даже от трудолюбия. Так, один из Чегемских старейшин, увидев, как небрежно и неправильно колхозники мотыжат кукурузу, упрекает их в этом и указывает на их национальную принадлежность: «Где ваша совесть, — кричал мой старик, — вы что, не в Абхазии родились?» [Там же, с. 256]. Уже само их равнодушие к крестьянскому труду означает переход в государственный мир, то есть они якобы перестают принадлежать к абхазскому народу.

Самому Ф. Искандеру гораздо ближе народный мир. Описание этого мира стало целью писателя, находящегося под впечатлением от «поэзии народной жизни» [Там же, с. 5]. Этот мир, населенный абхазскими крестьянами, которые живут в соответствии с патриархальными обычаями сватовства, гостеприимства, мести и т.д. Например, родственники убитого чегемца мотивируют свое право наказать убийцу без вмешательства государства: «Но он у нас убил родственника, а не у государства» [2, с. 150].

Мир Чегема — мир «природный». И эта естественность заключается в том, что чегемцы не доверяют государственной идеологии и относятся к ней скептически.

Советской идеологии чегемцы противопоставляют извечный крестьянский жизненный уклад, обычай и житейский рационализм: «... и в голову не приходит с кем-то состязаться, словно это скачки или стрельбище» [Там же, с. 130]. Обусловленная географическая изолированность от «большого» мира и опора на естественный здравый смысл формируют особое мировоззрение, своеобразную оптику видения мира и событий, которые в нем происходят.

Народный мир по сути своей нереален, умозрачен. Он возник из детских воспоминаний автора: «Краем детства я застал во многом еще патриархальную деревенскую жизнь Абхазии и навсегда полюбил ее» [Там же, с. 5]. Сам Ф. Искандер признает идеализированность созданного мира, существующего, по его признанию, лишь в его сознании.

Идилличность народного мира Чегема во многом роднит его с гоголевской Диканькой. Как и мир Диканьки, мир Чегема населяют разные персонажи. Это многообразие человеческих типов в романе отмечал и Н.Л. Лейдерман: «В народном мире Чегема есть столичные труженики и хитроумные мудрецы, есть недотепы и неудачники, есть вечные бунтари и романтики, есть стойки и проклятые изгои» [1, с. 54]. Чегемский мир, как и мир Диканьки, идеализируется: никого из коренных чегемцев нельзя причислить к негативным персонажам. Находясь в гармонии с природой, чегемцы живут просто и весело. Они работают, влюбляются, справляют свадьбы, с удовольствием выполняют даже самые обычные бытовые действия.

Но, в отличие от мира Диканьки, мир Чегема совсем не замкнутый в себе и его жители вступают в разнообразные взаимоотношения с противоположным миром. Это торговля, семейные отношения, в конце концов, любовь. И, как правило, эти взаимоотношения чегемцев с «большим» миром обречены на неудачу именно в силу кардинальных различий между мирами. Н. Выгон в своем диссертационном исследовании указывает: «Искандеровская Абхазия <...> стала идеальной художественной моделью столкновения цивилизации с народной культурой, советской государственности с патриархальным бытом» [4].

И государственный мир в противовес миру народному, описан Ф. Искандером довольно мрачно. В нем царят глупость, лицемерие, стремление угодить власти. Рассказчик, выходец из народного мира, работает в городской газете и чувствует себя очень некомфортно в государственном мире, трудно понимает логику происходящего вокруг. Даже природа, обеспечивающая гармонию в народном мире, в государственном мире описана автором почти с отвращением: «... листья камфаровых деревьев были потно-маслянисты» [2, с. 298]. Или: «... роскошный венецианский запах гниющего моря» [Там же, с. 399].

Различия между государственным и народным миром настолько велики, что уже сам выход за пределы своего мира не сулит героям ничего хорошего. Как отмечает К. Цколия, «Периферия родного пространства, находящаяся за пределами дома, исполнена враждебности, холодности и связана с тяжелыми нравственными мучениями, осознанием своей жизненной отторгнутости, неприкаянности, раздаленности» [6, с. 160]. Более того, выход за пределы «своего» мира часто грозит героям прямой опасностью. Сандро, став танцором ансамбля Платона Панцулая, был едва не опознан Сталиным во время пира (Сандро, будучи ребенком, видел на пути грабителя, который потом станет вождем всех народов) и едва избежал гибели. Чунка, продавая в городе орехи, неосторожно высказался о комсомоле и, чудом избежав ареста, скрылся в родных горах.

В то же время столь же неудачно перемещение в противоположный мир для представителей государственного мира. Так, назначенный председателем колхоза в высокогорное село Чегем Тимур Жванба, боится высоты и по этой причине теряет авторитет у подчиненных горцев: «А председатель-то порченый...» [2, с. 135].

Наличие двух миров характерно для многих произведений Ф. Искандера. При этом они не обязательно противопоставляются как диаметрально противоположные. В повести «Кролики и удавы» изображены два аллегорические королевства кроликов и удавов. Два мира, согласно стереотипным представлениям, должны кардинально отличаться как мир невинных травоядных и мир кровожадных хищников. Но это лишь видимость. Более того, два мира отличают только внешние атрибуты, суть же обоих государств абсолютно одинакова. Сходство подчеркивается и практически аналогичной системой образов двух миров. И в царстве кроликов, и в царстве удавов есть хитрые и жестокие правители, есть конформистская большинство, есть благородные бунтари и приспособленцы-карьеристы. Ф. Искандер показывает, что два мира существуют, органично дополняя друг друга, что обуславливает органическую взаимонеобходимость. Н.Л. Лейдерман подчеркивает: «... палачи и жертвы образуют семейное единство и жертвы нужны палачам в то же мере, в какой бывшие жертвы не могут выжить сами по себе, без страха перед палачами» [1, с. 55]. Удавам нужны кролики, чтобы питаться ими, кроликам нужны удавы, поскольку без них падает дисциплина и власть не может удержать народ в повиновении. Да и самим кроликам нужно кого-то бояться. Описывая несправедливый и жестокий строй обоих государств, Ф. Искандер в то же время признает, что эту несправедливость нелегко побороть именно вследствие того, что она основывается на несовершенстве человеческой природы.

Важно отметить, что оба эти мира – государственные. И в королевстве удавов, и в королевстве кроликов мир естественный терпит крах под воздействием государственной идеологии. Рядовые жители того и другого королевства живут в соответствии с принципами, навязанными им властью и утратившими извечные народные моральные ценности: «Сознание кроликов развращено великой подлостью удавов. К этой великой подлости они приспособили свои маленькие подлости» [5, стр. 101]. Исторический пессимизм повести «Кролики и удавы» отметил и Н.Л. Лейдерман: «И сказка, <...> трансформируется в антисказку, <...> в искандеровской сказке исчезает последняя надежда на способность народа сопротивляться демагогии и идеологии несвободы» [1, с. 55]. Именно это отсутствие моральных корней и является одной из причин безысходности их состояния: подменив духовные ценности материальными благами, они обречены подчиняться очередному тирану.

Два оппозиционных друг другу мира – народный, Чегемский и государственный – различаются и типами людей, населяющих их. Персонажи Ф. Искандера можно разделить на «природных» и «государственных». Но разница между двумя типами заключается не только в месте их проживания. Два типа людей живут в двух разных системах моральных координат.

Поведение жителя Чегема формируется не законами, принимаемыми властью, а обычаями, принятыми в патриархальном мире. Как правило, обычай в произведениях Ф. Искандера представляется не пережитком, а вполне разумной установкой, несмотря на его внешнюю нелепость: двери в дом должны

быть открыты, чтобы продемонстрировать гостеприимство хозяев; женщина не должна брать в руки оружие, поскольку война и месть – дело мужчин и т.д. Однако соблюдение патриархальных обычаев не отнимает у «естественного» человека свободу, что подтверждает и Н.Л. Лейдерман: «Но у Искандера диктатура обычаев уравнивается высочайшим чувством собственного достоинства, культивируемым на Кавказе вообще и в абхазцев в частности» [Там же, с. 95]. Так, жители Чегема не придерживаются обычаев слепо и в зависимости от ситуации выполняют или не выполняют их. Например, бригадир Кязим не приглашает в дом солдат, что испугались в бою и тем самым предали своего командира: « – Что ж ты не позвал их в дом, – сказал тетушка, – хоть бы воды напились.

– Обойдутся, – жестко сказал дядя, – я все видел» [2, с. 1085].

В другом эпизоде он отказывает в уважении бывшему председателю колхоза, который украл деньги из колхозного сейфа: «Все же бывший председатель, – заметила Нуца, – хоть и не любил наш дом.

– Сукин сын он, а не председатель, – сказал Кязым насмешливо» [Там же, с. 597].

В то же время для естественного человека невозможно нарушение обычаев, грунтованных на общечеловеческих моральных принципах. Так, Хабуг взбесилась, узнав, что его сын Сандро хочет купить дом репрессированных: «Сын мой <...> раньше, когда кровник убивал своего врага, он, не тронув и пуговицы на его одежде, доставлял труп к его дому <...> Эти же убивают безвинных людей и, содрав с них одежду, по дешёвке продают её своим холуям» [Там же, с. 262].

При этом «естественный» человек скептически относится к государственным законам и постановлениям, которые противоречат здравому смыслу и естественной нравственности. Так, А. Генис и П. Вайль отмечают своеобразие конфликта в романе «Сандро из Чегема»: «В «Сандро» конфликт есть, но уж больно непривычно он выражен (или понятен). В самом деле, есть народ и есть чуждая народу система – организация жизни» [7, с. 153]. Например, сельский патриарх Хабуг не понимает, зачем нужны колхозы и коллективизация: «Какая сила заставит крестьян хорошо работать на общем поле, когда иной и на своей усадьбе работает кое-как?» [2, с. 129].

Этот естественный здравый смысл определяет особое отношение чегемцев к окружающему «великому» миру. «Естественный» человек отрицает любую умозрительность, доверяя лишь тому, что может проверить собственным опытом. Характерен в этом плане эпизод раздела «Битва при Кодори или деревянный броневик имени Ноя Жордания» романа «Сандро из Чегема». Агитатор меньшевиков во время своей речи «то и дело выбрасывал руку вперёд и сверкающими глазами как бы указывал на какой-то важный предмет, появившийся вдаль» [Там же, с. 84]. Нелепость этого жеста становится причиной скептического отношения к оратору со стороны крестьян, не понимающих абстрактную природу этого жеста: «Попомните мое слово, <...> человек, который

указывает на то, чего сам не видит, порченный» [Там же, с.89].

В то же время основным способом познания мира для «естественного» человека остается миф. При этом наивная чегемская мифологизация является приемом отстранения, которое предполагает «описание в художественном произведении человека, предмета или явления, как бы впервые увиденного, а потому приобретающего новые признаки» [8]. Ф. Искандер рассматривает явления великого "государственного" мира якобы глазами чегемцев, словно бы отказываясь от приобретенного ранее опыта. Примером такой Чегемской мифологической оптики является миф о том, почему в Абхазии начали выращивать чай. Согласно этому мифу китайцы отказались продавать россиянам чай, потому что узнали об убийстве царской семьи: «Мой царь не будет больше пить русских чаем, потому что он будет горевать за русского царя и его семью» [2, с. 236]. Чегемцы не могут понять и тем более принять жестокость правителей, и Сталин в мифе выглядит скорее близким чегемцам мошенником-крестьянином, который пытается перехитрить односельчанина, чем мощным обладателем огромной страны: «Страна у меня большая и не всегда знаешь на одном конце ее, что делается на другом. Я им сказал: «Берегите царя и его семью, а они все перепутали и расстреляли их» [Там же, с. 236].

Несмотря на наивность восприятия, «естественный» человек Ф. Искандера довольно умный. Так, Чегемский бригадир Кязим умело расследует дело о похищении денег из колхозного сейфа и находит настоящего преступника. Более того, чегемцы часто являются более проникательными, чем представители большого мира. Безграмотный пастух Махаз понимает обреченность своего городского друга во время сталинских репрессий: «Когда наступила чума тридцать седьмого года, Махаз сразу же понял, что его высокий кунак не уцелеет» [Там же, с. 435]. Тот же не верит в возможность своего ареста, и Махаз делает вывод: «Удивительно, как ученые люди иногда не понимают простых вещей» [Там же, с. 436].

«Естественный» человек у Ф. Искандера наделен красотой и физической силой. Таков Чегемский эпический герой, красавец Чунка, который не только усмиряет необъезженную лошадь, но и ударом кулака сбивает с ног следователя, обвиняющего его в участии в антисоветском заговоре. Таков и главный герой романа Сандро, он не теряет своей красоты даже в старости: «Это был на редкость благообразный старик с короткой серебряной шевелюрой, белыми усами и белой бородкой» [Там же, с. 23].

«Естественные» люди Чегема, как правило, здоровы. Они легко потребляют большое количество алкоголя и еды, не страдают никакими физическими недугами. Н. Иванова подчеркивает почти раблезианский характер описания жителей Чегема: «В смеховом мире Искандера ощущается животворное влияние народного комизма, связанного с изображением тела и всех его забот: приготовления пищи, ее поглощения, удовольствия, отдыха, купания, обнажения. Героев Искандера словно преследует безмерный аппетит и неутолимая жажда» [9]. «Каждая девочка рождалась здоровее предыдущей, и, уже

начиная с третьей, они напоминали добродушных великанш» [2, с. 326].

Даже заболев, они излечиваются якобы благодаря самой природе. Тяжело раненый Сандро выздоравливает, благодаря не столько стараниям врача, сколько ласкам своей возлюбленной.

Именно интеллектуальное или физическое преимущество позволяет герою занять высокое место в иерархии народного мира. Авторитет самых уважаемых, умных, независимых, трудолюбивых чегемцев – бригадира Кязима или сельского патриарха Хабуга – поддерживается именно благодаря этому преимуществу: «Председатель колхоза особенно нажимал на Хабуга, потому что он пользовался у чегемцев тем ненавязанным и потому устойчивым авторитетом». [Там же, с. 129].

Совершенно другим, противоположным народному, выглядит государственный человек. Ее жизнь подчинена законам государственного мира. Эти законы, как правило, алогичны и бездумны, их появление обусловлено только волей власти. Вот как комментирует один из абхазских старейшин конфликт между местными жителями и солдатами во время депортации греков: «Солдат – казенный человек <...> он делает, что ему сказали <...> На Большеусого, видать, снова нашло вурдалачество» [Там же, с. 553]. И воли власти подчиняется не только рядовой солдат, но и государственные люди самого высокого ранга. Они, как правило, не создатели мифов, а их потребители, если, конечно, речь не идет о тех, кто, находясь на вершине власти, эти мифы сознательно создает и распространяет. Государственный человек не знает ничего о природе и смысле мифологем. Даже такой опытный «надзиратель», как главный редактор мухуською газеты «Красные субтропики» Автандил Автандилович, не знает причины активной государственной пропаганды по разведению козлотуров. Старт ей дает безвестный чиновник; прочитав в газете об этом научном эксперименте, восклицает: «Интересное начинание, между прочим» [5, С. 194]. Автандил Автандилович только находится среди многочисленных исполнителей задуманного «наверху». Но он и не стремится к пониманию механизмов пропаганды и причин ее изменения. Его цель – карьера, а чтобы достичь этой цели необходимо постоянно угадывать желание высшего руководства и мимикрировать в зависимости от внешних факторов. Узнав об изменении отношения высшей власти к разведению козлотуров, он сразу же читает статью центральной газеты на совещании следующим образом: «Сначала казалось, что он, читая статью, нам всем и себе раскрывает допущенные нами ошибки перегибы. На пафос в его голосе все время, нарастал и вдруг стало казаться, что он лично вместе с другими товарищами обнаружил эту ошибку» [Там же, стр. 299]. Если «естественный» человек стремится постичь истину, «то «государственный» человек даже при желании не может этого сделать. Истины как объективной категории в государственном мире не существует. Истина – то, что необходимо власти в настоящее время, как в случае с кампанией по разведению козлотуров, когда мысль высших чиновников о ней кардинально изменилась. Любое сомнение или, тем более, отрицание жестко пресекается и воспринимается если не

как преступление, то, безусловно, как опасная глупость. Вот как отвечает работник газеты своему оппоненту, предлагающему называть выведенное животное не козлотуром, а турокозом: «Оказалось то, что мы принимали за описку или даже ошибку, было ложной, вредной, но все-таки системой взглядов, а с системой надо бороться, и мы поднимаем перчатку, брошенную из-за хребта» [Там же, С. 204].

В отличие от здоровых представителей народного мира представители мира государственного часто имеют определенные физические недостатки. Даже самый симпатичный из всех изображенных в романе «Сандро из Чегема» правителей принц Ольденбургский имеет небольшой физический недостаток — сутулость: «Как случилось? — спросил принц, сутуло наклоняясь вперед и исподлобья оглядывая дядю Сандро» [2, с. 52]. Другие правители, изображенные Ф. Искандером с гораздо меньшей долей симпатии, наделены серьезными недостатками. Нестор Лакоба плохо слышит, Сталин сухорук, Берия страдает близорукостью, Ленин подорвал здоровье в борьбе с царским режимом, что и привело к его ранней смерти.

Если «естественный» человек сохраняет достоинство даже в самых экстремальных ситуациях, то государственный человек чаще всего выглядит неприятно. Он нередко попирает самые близкие родственные или семейные связи. Так, бывший председатель колхоза Тимур Жванба, уличенный в краже денег, яростно рвет портрет отца, под которым эти деньги были спрятаны. А его жена в момент ареста мужчины больше всего жалеет о полотенце: «Полотенце, — закричала она, — мое полотенце!

— Какое полотенце? — обернулся председатель, пытаясь отбросить её руку.

— В котором деньги завернуты! — крикнула она» [Там же, с. 617].

Безусловно, кардинальные различия между двумя мирами влекут за собой противоречия. Иногда несовпадение Чегемского и «долинного» представлений о мире становится причиной комических событий, как в случае с городской сторожкой. Согласно чегемским обычаям, пожилой женщине позорно с оружием в руках охранять магазин. Однако, узнав о том, что в «большом» мире это явление расценивается противоположно, чегемцы находят в этом несоответствии позиций дополнительный комизм: «Мы, жалея бедную старуху, удивлялись её дикости, — смеялись чегемцы, — а они, оказывается, в это время нас считают дикарями! Ха! Ха! Ха!» [Там же, с. 534].

Иногда разница в мировоззрении приводит к трагедии. Чегемский пастух Махаз убивает своего городского родственника, соблазнившего двух его дочерей. При этом соблазнитель ничего предосудительного в своих действиях не видит:

« — Так ведь я ненасильно...

— Если ребенку, скажем, протянуть отравленную конфету, это тоже ненасильно, не правда ли? — спросил Махаз» [Там же, с. 442].

В то же время похищение дочери Сандро смельчаком Баграмом, по мнению чегемцев, является закономерным и естественным поступком, поскольку он ведет к женитьбе, хотя в «большом» мире это событие имело бы статус аморальный, противозаконный, и это вряд ли осталось бы безнаказанным.

Таким образом, в своих произведениях Ф. Искандер выделяет два типа персонажей: люди «государственные» и «природные», которые противопоставляются один другому так же, как «государственный» и «народный» миры. Жизнь «естественного» человека подчинена здравому смыслу, но в то же время и неписаным моральным законам, которые чаще всего не совпадают с государственными. Человек государственный коррелирует собственное мировоззрение и поведение с государственной идеологией и с правилами и требованиями государства. Два типа человека в творчестве Ф. Искандера воплощают два вида мировоззрения: «Искандер старательно сравнивает два действия: снизу и сверху. От сохи и от Кремля. Два способа понимания жизни. Один — по естественным законам, объединявшим пир и труд. Второй — по искусственным, разделившим эти понятия и лишившим этим сладости оба». [7, с. 156]. Можно сказать, что указанные два типа героев являются соответственно идеалом и антиидеалом Ф. Искандера.

В своих произведениях Ф. Искандер последовательно выстраивает особый народный мир, центр которого находится в горном селе Чегем. Этот мир противопоставлен официально-государственному миру и принципиально отличается от него. При этом два противоположных мира могут быть разделены как географически, так и ментально. Народный мир автором идеализируется, он справедлив и гармоничен. Официальный мир — это власть и государство; управляется он государственными законами и подчинен государственной логике. Принципиально отличаются и жители этих миров. Представителям Чегемского мира присуще особенное мировоззрение, очень близкое и самому автору. Особенности этого мировоззрения заключаются в сочетании нравственности, основанной на традиционной народной морали, с природным здравым смыслом; скептическом отношении к государственной идеологии, которому «естественный» человек противопоставляет миф как средство познания мира. Но, несмотря на мифологизированное сознание, «естественный» человек отличается интеллектом, мудростью, смекалкой, способностью к анализу. Кроме того, чегемцы красивы и здоровы, в отличие от представителей государственного мира, которые часто имеют различные физические недостатки. «Природные» люди превосходят «государственных» и в моральном отношении: несмотря на определенные изъяны, они более благородные и искренние.

Важное значение для «естественного» человека имеет природа, с которой он находится в тесной духовной связи. Природа представляется чегемцами как некая одушевленная сущность, имеющая божественную силу. Она может помогать персонажам или наказывать их за грехи. Такие важные составляющие природы, как флора и фауна, выполняют аллегорические, аналогичные и символические функции.

Чегемское мировоззрение становится для автора своеобразной оптикой, что позволяет увидеть события и явления с точки зрения «естественного» человека. Наличие этой оптики определяет и разнообразие нарративных стратегий (дополнение, противоречие, объяснение), благодаря которым автобиографи-

ческий рассказчик и другие персонажи по очереди чат друг другу.
выступают в роли нарраторов и нередко противоре-

Литература:

1. Лейдерман Н.Л. Современная русская литература - 1950-1990-е годы (Том 2, 1968-1990) – Режим доступа: – URL: <https://www.rulit.me/books/sovremennaya-russkaya-literatura-1950-1990-e-gody-tom-2-1968-1990-read-142770-1.html>
2. Искандер Ф. Сандро из Чегема [Текст]: [роман] / Ф. Искандер ; [под ред. Н. Холодовой]. - Москва: Эксмо, 2009. - 1101, [2] с.
3. Искандер Ф. Мои герои взяты из реальной жизни [Электронный ресурс] / Ф. Искандер. – Режим доступа: – URL: <http://ria.ru/interview/20090306/164018852.html#14594392920094&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration>
4. Выгон Н.С. «Ленин – всегда живой?» (эволюция мифологемы в прозе Ф. Искандера /Н.С. Выгон //Филологические науки. -2000. -№ 2. С.13-23.
5. Искандер. Ф. Кролики и удавы: притча; Созвездие Козлотура: повесть; Детство Чика: рассказы / Ф. А. Искандер. - М. : ЭКСМО, 2011. - 832 с.
6. Цколия К. Р. Нравственно-философское понятие «Чегемия» (Роман Ф. Искандера «Сандро из Чегема») [Текст] / К. Р. Цколия // «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии»: материалы XXIV международной заочной научно-практической конференции. (10 июня 2013 г.) – Новосибирск: СибАК, 2013. – С. 157 – 162.
7. Вайль П. Л., Генис А. А. Сталин на чегемском карнавале [Текст] / П. Л. Вайль, А. А. Генис // Время и мы. – 1979. – № 42. – с. 150 – 162.
8. Квятковский А. П. Поэтический словарь Квятковского [Электронный ресурс] / А. П. Квятковский. – Режим доступа: – URL: <http://feb-web.ru/feb/kPS/kPS-Abc/>
9. Иванова Н. Б. В полоску, клеточку и мелкий горошек [Электронный ресурс] / Н. Б. Иванова. – Режим доступа: – URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/2/ivanova.html>